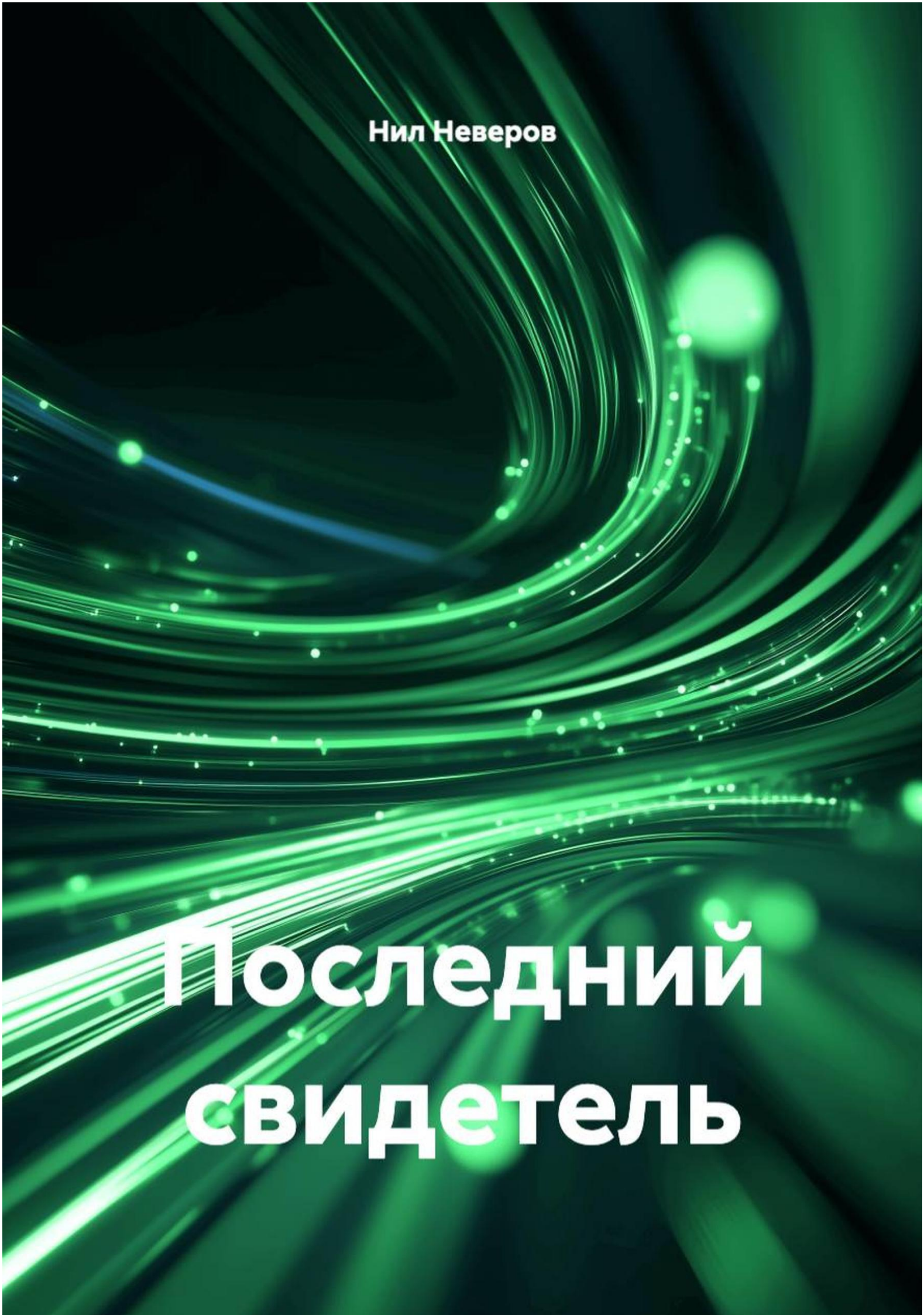

Нил Неверов
Последний свидетель

Нил Неверов

Последний свидетель

«Автор»
2026

Неверов Н.

Последний свидетель / Н. Неверов — «Автор», 2026

Двадцать два года назад следователь Андрей Корнев раскрыл убийство молодой женщины. Преступник получил приговор, свидетели дали показания, дело отправилось в архив.Но однажды свидетели начинают погибать.Андрей возвращается к старому расследованию и обнаруживает то, чего не должно существовать: протокол восьмого допроса. На магнитофонной записи он слышит собственный голос, задающий вопросы человеку, которого совершенно не помнит.Чем ближе Корнев подбирается к истине, тем больше противоречий обнаруживает в документах, свидетельствах и собственной памяти.Кто-то тщательно переписал прошлое. И теперь уничтожает тех, кто способен вспомнить правду.Но что, если последний свидетель знает не только о совершённом преступлении, но и о событиях, которые ещё не произошли?**«Последний свидетель» — мистический детектив о цене ошибки, ненадёжности памяти и правде, которую иногда страшнее узнать, чем забыть.**

© Неверов Н., 2026
© Автор, 2026

Нил Неверов
Последний свидетель

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ
Роман. Книга вторая трилогии «Протокол 03:17»
Нил Неверов
«Самое страшное — обнаружить, что кто-то помнит за тебя».

СОДЕРЖАНИЕ
ПРОЛОГ — Восьмой протокол
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — ДЕЛО, КОТОРОЕ ЗАКРЫЛИ
ГЛАВА 1 — Конверт
ГЛАВА 2 — Первый солгал
ГЛАВА 3 — Семь фамилий
ГЛАВА 4 — Пассажир без лица
ГЛАВА 5 — Красное пальто
ГЛАВА 6 — Цена показаний
ГЛАВА 7 — Три семнадцать
ГЛАВА 8 — Сторона Б
ЧАСТЬ ВТОРАЯ — МЁРТВЫЕ НЕ ЛГУТ
ГЛАВА 9 — Сестра
ГЛАВА 10 — Человек, которого осудили
ГЛАВА 11 — Третий свидетель
ГЛАВА 12 — Человек из будущего
ГЛАВА 13 — Зелёная папка
ГЛАВА 14 — Слесарь
ГЛАВА 15 — Охранник
ГЛАВА 16 — Черновик
ГЛАВА 17 — Третий не видел
ГЛАВА 18 — Два отправителя
ГЛАВА 19 — Ночной магазин
ГЛАВА 20 — Вещи мёртвой
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ — СОРОК СЕМЬ МИНУТ
ГЛАВА 21 — Приговор
ГЛАВА 22 — Две магнитные ленты
ГЛАВА 23 — Второй голос
ГЛАВА 24 — Подмена
ГЛАВА 25 — Четвёртая вспомнила
ГЛАВА 26 — Фотография, которой не было
ГЛАВА 27 — Шестнадцать лет
ГЛАВА 28 — Второй Корнев
ГЛАВА 29 — Протокол молчания
ГЛАВА 30 — Человек в больнице
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ — ТЕ, КТО МОЛЧАЛИ
ГЛАВА 31 — Запечатанный пакет
ГЛАВА 32 — Камера номер три
ГЛАВА 33 — Неназванный

ГЛАВА 34 — Последняя ночь
ГЛАВА 35 — Третья фотография
ГЛАВА 36 — Человек из пропуска
ГЛАВА 37 — Убийца
ГЛАВА 38 — Восьмой протокол
ГЛАВА 39 — Последний свидетель
ГЛАВА 40 — Тот, кто был здесь
ЭПИЛОГ — Я вспоминаю

ПРОЛОГ

Восьмой протокол

Нижний Новгород. 14 июня 2004 года. 03:17.

Мужчина напротив Андрея Корнева сидел неподвижно уже сорок семь минут. В маленьком кабинете было душно: раскрытое окно не спасало от жары, за стеклом липы едва шевелились в безветрии. Кассетный магнитофон на краю стола ровно вращал катушки. На красном индикаторе записи дрожало отражение настольной лампы.

— Повторите, как вы оказались в квартире Березиной, — попросил Корнев.

— Меня пригласили.

— Кто?

— Яна.

Следователь посмотрел в папку. Яне Владимировне Березиной было двадцать шесть. Девятого июня её нашли на полу кухни с ножевыми ранениями. Бывший сожитель Вадим Елагин уже находился под стражей: свидетели слышали ссору, водитель такси якобы подвёз его к дому, на одежде обнаружили кровь потерпевшей. Дело выглядело понятным, пока этот человек не явился с заявлением, что обвиняемый невиновен.

— Тогда опишите убийцу.

— Мужчина. Примерно вашего роста. В тёмной одежде.

— Это не описание. Отличительные признаки?

— Он носил ваши часы.

Корнев машинально прикрыл запястье. Старые кварцевые часы были отцовским подарком. На задней крышке оставалась глубокая царапина, сделанная им самим, когда он пытался поменять батарейку кухонным ножом.

— Они серийные.

— У убийцы на крышке была буква «К». Не заводская гравировка. Царапина.

Андрей убрал руку под стол. О необычной царапине он не рассказывал даже коллегам.

— Вы видели мои часы раньше?

— Не ваши. Его.

Мужчина говорил без торжества. Неприятнее всего было то, что в его голосе не слышалось ни игры, ни страха. Следователь задал ещё пять вопросов. Ответы были точными там, где проверить их невозможно, и расплывчатыми там, где требовалась конкретика. Имя свидетель называть отказывался.

— Вы понимаете, что без установления личности ваши сведения нельзя оценить надлежащим образом?

— Прекрасно. Не подписывайте восьмой протокол, Андрей Викторович.

— Откуда вам известно, сколько допросов я провёл?

— Не все допросы происходят в этом кабинете.

На стене щёлкнули часы. Оба посмотрели на циферблат: 03:17. Стрелка секунд остановилась, затем дёрнулась вперёд. Корнев решил, что механизм неисправен. Мужчина посмотрел на магнитофон.

— Вы слышали свой голос до того, как вошли сюда?

Корнев вспомнил странную деталь. Перед дверью он действительно слышал, как кто-то с его интонациями спрашивал: «Кто вам дал этот ключ?» Тогда решил, что это голос сотрудника соседнего кабинета.

— Допрос окончен, — сказал он, нажимая «стоп».

— Вы всё равно подпишете, — тихо ответил свидетель. — Потому что есть вещи хуже ошибки. Например, признаться, что вы не помните, как её сделали.

Андрей поднялся, открыл дверь в коридор и обернулся, чтобы пригласить дежурного. Кресло было пустым. Он выбежал на лестницу — никого. В окне коридора отражалась только его собственная фигура.

Вернувшись, он включил кассету. Пять минут. Десять. Сорок семь. На плёнке звучал один голос — его. Между вопросами стояла тишина, в которой едва слышались часы и шорох ветвей. Корнев остановил воспроизведение на фразе «Назовите фамилию». После неё в динамике что-то щёлкнуло, и на этот раз возник второй голос. Похожий на голос отца, умершего три года назад.

— Андрей, не записывай то, чего не было.

Снаружи прошла уборщица, звякнули ключи. Корнев выключил магнитофон. Он ещё не знал, что отныне самым ненадёжным доказательством станет его собственная память.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЛО, КОТОРОЕ ЗАКРЫЛИ
ГЛАВА 1

Конверт

Нижний Новгород. 9 января 2027 года. 08:43.

Телефон зазвонил в то мгновение, когда Андрею снова приснилась пустая комната. Во сне мужчина в сером костюме сидел к нему спиной, а за дверью кто-то считал до восьми. На седьмом числе дверь открывалась, и Андрей просыпался, так и не увидев лица.

На экране значился Павел Руднев, следователь, с которым Корнев познакомился во время декабрьского расследования заброшенного энергетического объекта. После той истории Андрей перестал верить, что архивная ошибка — всего лишь архивная ошибка. Слишком много людей погибло, прежде чем удалось доказать незаконную работу серверной, фальсификацию учётных данных и роль начальника службы безопасности Громова. Но самое неприятное осталось невыясненным: почему в материалах объекта № 17 хранился протокол из дела, которое Корнев вёл ещё в прокуратуре.

— Одного из ваших свидетелей убили, — сказал Руднев без приветствия.

— Из какого дела?

— Березина. Лидия Павловна Кротова.

Андрей сел. На тумбочке лежал конверт, пришедший в конце декабря. Внутри была копия протокола от 14 июня 2004 года. Семеро свидетелей в описи; восьмой — без фамилии. Корнев уже третий раз пытался вспомнить ночной допрос и всякий раз находил в памяти то пустое кресло, то чужие глаза, то голос собственного отца.

— Где она погибла?

— В своей квартире. Рядом с телом оставили записку: «Первый солгал». И семь черт. Первую перечеркнули.

В отделе Руднев показал фотографии. Кротова, бывшая соседка Яны, умерла от насильственных повреждений. На столе возле неё стояли две чашки и коробка дорогих конфет. Взлома не было. Пожилая женщина, вероятно, впустила убийцу сама.

— А это пришло вам? — спросил Руднев, кивнув на телефон Андрея.

На экране уже светилось сообщение с неизвестного номера: «Второй свидетель умрёт завтра ночью. 03:17».

* * *

Вечером того же дня Андрей поднял старую коробку с делами на верхнюю полку шкафа и вдруг понял, что многие годы избегал даже смотреть на неё. Жена спросила, почему он не отдаст документы на хранение, раз они больше не нужны. «Это не мои документы, — ответил он, — но и чужими они не стали». Он не стал рассказывать о конверте. В браке с человеком, привыкшим не говорить о своей работе, существовала особенная тишина: не секрет, но постоянная отсрочка разговора.

Дождавшись, когда в квартире стихнет шум, Андрей сравнил копию восьмого протокола с листами дела, которые сохранились в старом портфеле. На одном из них он обнаружил привычное перечёркивание буквы «т» — так он писал только первые годы службы. Значит, по крайней мере часть документа могла быть создана тогда. Однако строка с фамилией отсутствовала на всех копиях. Он представил, как кто-то срезает имя с листа и на его место наклеивает пустую полоску. Действие небольшое, почти канцелярское. И в нём было больше злобы, чем во всех рассказах о призраках.

В половине первого за окном проехал мусоровоз. Андрей вздрогнул от металлического удара и рассмеялся над собой. Две недели назад он спокойно осматривал электроустановку, где один неосторожный шаг мог убить человека. Сегодня его пугал обычный шум во дворе. Значит, преступник добился первого: превратил наблюдательного человека в испуганного. Андрей открыл чистую тетрадь и написал на первой странице: «Не верить впечатлениям. Проверять источники». Потом добавил: «Не забывать людей за документами».

* * *

— Пока нет оснований верить в расписание убийств, — сказал Руднев. — Но проверять будем всерьёз. Вы помогаете с материалами своего дела, не ведёте самостоятельное расследование. Договорились?

Андрей согласился. И сразу понял, как трудно будет выполнить обещание.

ГЛАВА 2

Первый солгал

Старая пятиэтажка на улице Культуры встретила их запахом мокрой штукатурки. Андрей остановился на лестничной площадке: двадцать два года назад здесь стояла Яна Березина в светлом платье, когда он смотрел её фотографию из дела. В реальности они никогда не встречались живыми, но воспоминание стало таким подробным, что от него хотелось отмахнуться.

В квартире Кротовой сохранились две чашки. На одной — следы её губной помады, на другой отпечатки пока неустановленного человека. В серванте лежал альбом с фотографией Яны и Лидии. Женщины обнимались у подъезда. В старых показаниях Кротова утверждала, что почти не знала соседку.

— Может, обычная вежливость для фотографии, — заметил Руднев.

— Может. Но в протоколе она говорила, что слышала мужской голос и не узнала его. Во втором варианте узнала Елагина. Я не помню, чтобы допрашивал её повторно.

В папке действительно были два протокола. Первый составлен 10 июня. Второй — 12 июня, начало и конец в 03:17. На втором стояла подпись Корнева, убедительно похожая на подлинную.

В прихожей Руднев придержал Андрея за локоть. Из кухни доносился голос криминалиста, перечислявшего содержимое ящиков.

— Вы сказали «я не помню второго допроса». Это не то же самое, что «я его не проводил», — заметил Руднев.

— Я знаю разницу.

— Тогда зачем сразу говорите о подмене?

Андрей взглянул на лист с двумя подписями. На одном протоколе Кротова не узнавала голоса; на другом узнавала без колебаний. Бумага была одного цвета, одинаково пробита дыроколом. Противоречие помещалось в четырёх строчках.

— Потому что во втором варианте она отвечает именно так, как требовала обвинительная версия. Ни одного лишнего слова.

— И вы это подписали.

— Да. Именно поэтому я здесь.

За стеной уронили металлический предмет. Андрей не обернулся. Впервые за день его испугало не присутствие неизвестного, а знакомая подпись.

— Время явно ошибочно, — сказал Руднев. — Не превращайте каждое совпадение в знак.

Андрей кивнул. Он сам сказал бы то же самое любому начинающему следователю. Но в альбоме, между детскими снимками и открытками, нашёлся вкладыш от аудиокассеты: «Допрос № 8. Оригинал». Ниже был указан телефон бывшего кабинета Корнева. Кто-то, имевший доступ к истории дела, подготовил для него персональную ловушку.

Они вышли из квартиры. Во дворе Андрей заметил мужчину в сером пальто. Тот стоял лицом к подъезду, не прячась. Когда Корнев моргнул, мужчина уже шёл к остановке. Руднев отправил сотрудника проверить его личность, но к автобусу тот не успел.

* * *

Осмотр квартиры Кротовой затянулся до вечера. Соседка из дома напротив рассказала, что в последние недели Лидия Павловна стала нервной: проверяла почтовый ящик несколько раз в день, никому не открывала после восьми, но накануне смерти неожиданно заказала пирог и приготовила две чашки. «Будто ждала дорогого гостя», — сказала соседка. Андрей записал эту деталь. Врага, которого боятся, редко встречают угощением, если только не решили с ним договориться.

Руднев нашёл в мусорном ведре упаковку от фотобумаги. На кухонном принтере Кротова незадолго до смерти распечатала несколько снимков. Один обнаружили в альбоме, другие отсутствовали. Значит, неизвестный посетитель мог забрать их. Андрей вспомнил, как в 2004 году Кротова уверяла, что почти не общалась с Яной, но теперь хранила общую фотографию и, возможно, собиралась показать ещё что-то. Её убийство могло быть попыткой не дать исправить не только показания, но и семейную историю погибшей.

У подъезда Корнев остановился возле почтовых ящиков. Один был открыт, на дверце оставалась слабая царапина от инструмента. Он указал на неё специалисту. Тот проверил, фиксировал ли её осмотр. На коробке от кассеты не было ни отпечатков, ни очевидных следов, позволяющих установить отправителя. Всё это напоминало аккуратно организованный спектакль — настолько аккуратный, что в какой-то момент Андрей переставал замечать простые следы. Он сделал шаг к машине и заметил на снегу отпечаток каблука с характерной трещиной в подошве. Такие следы ещё предстояло сравнить с обувью посетителей.

* * *

— Вы опять увидели своего призрака? — спросил Руднев.

— Я увидел человека. Давайте оставим ему право быть человеком.

ГЛАВА 3

Семь фамилий

На столе Руднева лежали семь копий. Кротова — соседка. Сумин — таксист. Малахов — очевидец возле подъезда. Тарасова — коллега потерпевшей. Щукин — охранник автостоянки. Егорова — продавщица ночного магазина. Фомин — слесарь, менявший замок. Двадцать два года назад показания этих людей сомкнулись вокруг Вадима Елагина, бывшего сожителя Яны. Он получил пятнадцать лет лишения свободы.

Руднев показал портрет второго свидетеля. Николаю Сумину было уже шестьдесят семь. Он жил один в Бору. К нему направили сотрудников и объяснили, что возможна угроза. Сумин согласился на защиту лишь после того, как услышал фамилию Корнева.

— Он просит передать: вчера вы обещали не беспокоить его больше, — сообщил сотрудник по телефону.

— Вчера я был дома, — ответил Андрей.

Сумин сам взял трубку.

— Я тебя видел! Ты был у меня вечером. Только старый, седой и с белым шрамом на щеке.

Корнев невольно коснулся левой щеки. Никакого шрама там не было. Он стал уточнять время, одежду, подробности разговора. Сумин уверенно отвечал, но всё время путал собственную версию 2004 года с новыми воспоминаниями.

— Что посетитель спрашивал?

— Какого пассажира я вёз. И сказал: «Второй раз умирать больнее».

* * *

В старом деле каждый свидетель выглядел самостоятельным источником. Корнев перечитывал их показания и обнаружил, что трое использовали почти одинаковое выражение: «Обвиняемый был заметно возбуждён». Слово «возбуждён» встречалось и в итоговом обвинительном заключении. В 2004 году оно казалось естественным, а теперь больше походило на оборот, который один человек вставил в несколько текстов. Руднев попросил проверить первичные черновики и записи допросов, если они уцелели.

Андрей вспомнил, как его учили: доказательства проверяют не голосованием. Пять свидетелей, повторяющих чужую фразу, не равны пяти независимым наблюдениям. Но в настоящем деле трудно было сопротивляться инерции. На коллег давили сроки, начальник требовал результата, близкие погибшей ждали обвинения. Он подписывал каждый лист, чувствуя, что помогает восстановить порядок. Теперь порядок оказался нарисованным поверх чужих жизней.

Когда в коридоре отдела прозвучал чей-то смех, Андрей представил молодого себя, идущего здесь с полной папкой и уверенным лицом. Ему захотелось догнать того человека и сказать: «Не спеши». Но прошлое не открывало дверей. Оставались только документы, живые свидетели и один старый таксист, которого теперь кто-то обещал убить в определённый час.

* * *

Руднев закрыл связь и сдержанно спросил, не встречался ли Андрей с Суминым раньше под другим именем. Тот ответил отрицательно. Было ясно, что один из них либо ошибается, либо кто-то сознательно изображает Корнева. Охранять Сумина необходимо независимо от объяснения.

В папке Андрея нашлась пометка: «Тарасова просила изменить показания. Не зарегистрировано». Он не помнил, зачем сделал её. На обороте едва различались слова «Яна боялась не Вадима». Руднев отложил лист для проверки. Корнев вдруг вспомнил, что когда-то уже задавал себе вопрос о другой женщине, бывшей рядом с Яной в последние дни. Но лица не видел. Только красное пальто, мокрое от дождя.

ГЛАВА 4

Пассажир без лица

В квартире Сумина пахло крепким чаем и старым табаком. Николаю Петровичу подрагивали пальцы, но он настоял, чтобы говорить при дочери. Когда Андрей повторил вопрос о поездке, старик опустил голову.

— Я Елагина не возил. Меня подкупили. Пять тысяч долларов дали за готовые показания. Я тогда кредит выплачивал, жена болела. Думал, никому хуже не станет: вам и без меня всё было ясно.

— Кто платил?

— Мужчина из охраны стоянки. Имени я не спрашивал. Сказал — подтвердить, что в 02:43 подвёз Елагина.

На самом деле Сумин вёз молодую женщину в красном пальто. Она попросила высадить её напротив дома Яны. В зеркале лицо казалось знакомым; когда позже он увидел снимок убитой в газете, решил, что в машине была сама Березина. Но находившийся сзади свет не позволял хорошо разглядеть пассажирку.

Сумин раздавил окурок в блюдце. Дочь молча убрала пепел и поставила перед ним воду. Он не притронулся к стакану.

— Пять тысяч долларов, — повторил Руднев. — Вы получили всю сумму сразу?

— Половину до суда. Остальное потом. Они считали, что я могу передумать.

— А вы передумывали? — спросил Андрей.

Сумин впервые встретился с ним взглядом.

— Каждый день. Поначалу. Потом ребёнок пошёл в школу, жена легла на операцию, кредит закрылся. Я говорил себе: от моих слов ничего не зависит. Дело-то уже заведено.

— От ваших слов зависело, был ли Елагин у дома в два сорок три.

— Знаю, — тихо сказал таксист. — Вы думаете, мне это не снится?

Дочь отвернулась. Андрей перестал задавать вопросы, пока старик не совладал с руками. Ему нужны были точные подробности поездки, а не очередное признание, продиктованное страхом.

— На прощание она спросила: «Вы уверены, что привезли меня в правильный день?» Я рассердился. Тогда она сказала, что завтра её здесь уже не будет.

Сумин показал запись камеры своей прихожей за предыдущий вечер. Посетитель действительно был похож на Корнева, только заметно старше. На щеке белел тонкий шрам. Однако в зеркале отражение выглядело иначе: волосы казались париком, линия челюсти — накладкой. Аудио не позволяло уверенно установить голос.

— Значит, человека загримировали, — заключил Андрей.

* * *

Дочь Сумина, Светлана, показала комнату, где отец хранил фотографии жены. В нижнем ящике стояла коробка с квитанциями. Она призналась, что несколько раз собиралась выбросить всё, но отец всегда запрещал. «Он говорил, что однажды бумаги пригодятся. И каждый раз после этого неделю плохо спал». В коробке действительно нашлись старые записи таксометра. Одна из них подтверждала поездку к дому Березиной; имя пассажира там, разумеется, отсутствовало. Небольшая подробность делала признание Сумина точнее, но не снимала всех вопросов.

Андрей попросил старика подробно восстановить салон: какая была погода, откуда садилась женщина, кто открыл дверь, слышал ли водитель разговор. Сумин говорил неровно и иногда поправлял себя. В одном месте признал, что фразу о «правильном дне» мог услышать позже от человека, изображавшего Корнева. В другом уверенно показал положение пассажирки в зеркале. Это был важный урок: после двадцати двух лет нельзя считать каждую яркую фразу очевидным воспоминанием.

Перед отъездом Светлана тихо сказала Андрею: «Он всю жизнь ходил на работу и почти не говорил о прошлом. А последние дни вдруг стал просить прощения у матери, которой нет двадцать лет». Корнев посмотрел на окно кухни. На стекле отражался Сумин, сидящий за столом с чашкой в руках. Возможно, он боялся убийцы. Возможно, позднего суда над собственной совестью. Андрей решил не выбирать между этими страхами.

* * *

— Вероятно, — согласился Руднев. — Нужно найти того, кто изготовил маску, а не гадать о путешествиях во времени.

Когда они уже уходили, Сумин достал пожелтевшую квитанцию автомастерской. В 04:12 девятого июня он обратился туда из-за странного запаха в салоне. На полях механик отметил: «Растворитель». Такой же запах, как выяснилось, был записан в протоколе осмотра квартиры Яны. Совпадение получило материальную опору, но не объяснение. У двери Сумин тихо попросил: «Если тот старый придёт снова, не оставляйте меня с ним».

ГЛАВА 5

Красное пальто

Ольга Тарасова приехала в кофейню с ровно уложенными волосами и лицом человека, давно научившегося отвечать только на заданный вопрос. В 2004 году она работала вместе с Яной в фирме, оцифровывавшей промышленную документацию. Теперь руководила собственным архивным отделом.

— У Яны не было красного пальто. Была красная куртка. И она её почти не носила, — сказала Ольга.

Андрей показал название «Контур-17». Женщина сняла очки. Взгляд стал напряжённым.

— Этот проект нам передали за неделю до убийства. Яна занималась старыми переговорными лентами. Сначала всё было обычно: обрывки сменных рапортов, голоса диспетчеров, помехи. Потом она нашла свой голос в записи, датированной 1987 годом.

За соседним столиком официантка расставляла чашки. Ольга следила за ней, пока та не ушла.

— Яне показалось, что голос на записи принадлежит ей самой, — сказала она. — Я предложила сравнить с обычными разговорами. Она разозлилась.

— Почему?

— Спросила, как я собираюсь отличить настоящий разговор от поддельного, если и тот и другой слышу впервые.

Андрей посмотрел на фотографию молодой женщины у компьютера.

— Она понимала, как это делают?

— Лучше меня. Сначала она думала, что кто-то смонтировал плёнку ради денег. Потом стала приносить на работу записи в отдельной сумке. Однажды попросила не оставлять её одну после закрытия.

— Вы остались?

Ольга подняла чашку и тут же поставила обратно.

— Нет. Я сослалась на дела. На следующий день её уже не было.

Она произнесла последнюю фразу без слёз. Андрею это показалось тяжелее плача.

— Это мог быть похожий голос.

— Именно так я ей и сказала. Но женщина на плёнке предупреждала не выходить из дома девятого июня. Яна испугалась, а я подумала, что она переутомилась.

Ольга призналась, что сохранила одну кассету. Яна передала её вечером восьмого июня, попросив отдать «человеку, который задаёт неправильные вопросы». После смерти подруги Тарасовой несколько раз звонили и требовали вернуть носитель. Один неизвестный заявил,

что прослушивание заставит забыть собственную дочь. Ольга боялась не мистики: кто-то знал подробности её семьи и без труда мог причинить реальный вред.

— Почему вы не рассказали обо всём следствию?

* * *

После встречи Тарасова прислала фотографию бывшего офиса «Сферы». Узкий коридор, железная дверь, пластиковые таблички. В одном кабинете стояла стойка с магнитофонами, в другом работали сканеры документов. Яна сидела в комнате без окон и слушала записи в наушниках. Сотрудники шутили, что архивисты знают о людях больше их самих. Тогда это казалось забавным. Позднее шутка стала буквальной: люди, владеющие записями, могли цитировать разговоры из давно закрытых комнат.

Андрей попросил Ольгу составить список всех, кто имел доступ к «Контур-17». Она ответила не сразу. «Половина умерла, половина переименовала фирмы. Мы тогда вообще не понимали, что делаем». Через час пришли двенадцать фамилий и несколько телефонов. Среди них был молодой менеджер Борис Щукин, официально занимавшийся охраной, а фактически контролировавший выдачу носителей. Другой была должность «консультант по правовым вопросам» без фамилии. Тарасова пояснила: человека всегда называли «Антон Борисович». У Андрея болезненно сжалось сердце. Так звали Рогова.

За окном кофейни темнело. Андрей вспомнил, как в 2004 году проходил по коридору прокуратуры мимо людей, которым полностью доверял. Он помнил запах сигарет и свежих папок, голоса в соседних кабинетах, привычные шутки. Ему было трудно принять, что за этой обыденностью могла идти торговля свидетельствами. Верить в невидимого наблюдателя казалось почти проще, чем в коллегу, изменившего чужую судьбу за вознаграждение.

* * *

— Я пришла к вам через неделю. Вы не стали слушать. Точнее, сначала слушали, а потом появился ваш начальник. И разговор закончился.

Андрей помнил Антона Рогова, бывшего руководителя, который требовал закрыть дело. Но не помнил Ольгу в тот день. Он записал её слова, объяснил порядок передачи кассеты Рудневу и впервые за долгое время почувствовал не только страх, но и стыд. Разговор, который он не удосужился довести до конца, мог стоить человеку пятнадцати лет жизни.

ГЛАВА 6

Цена показаний

Кассету изучали осторожно: состояние ленты зафиксировали, затем получили рабочую копию. На стороне с надписью «Яна. 08.06.2004» сначала звучало тихое шипение, потом женский голос. Яна говорила, что получила запись с предупреждением о собственной смерти, и что кто-то знает подробности её детства. Несколько раз она просила невидимого собеседника оставить её в покое.

Раздались три удара в дверь.

— Кто там?

— Я из прокуратуры, — ответил мужчина.

— По какому делу? — спросила Яна.

— По вашему.

Андрей вздрогнул. Голос напоминал его собственный в молодости. При этом кассету переписывали, и качество было слишком низким для надёжной идентификации. Руднев остановил воспроизведение и спросил, мог ли Корнев находиться в квартире Яны вечером восьмого июня. Тот уверенно ответил, что нет: дело возбудили после обнаружения тела, он узнал имя потерпевшей девятого.

— Кто-то мог изобразить вас, — сказал Руднев. — Нужны иные сведения.

* * *

Когда из лаборатории сообщили о возможном монтаже, Андрей попросил дать ему не «процент похожести», а описание признаков. Специалист объяснил, что речь одного человека не превращается в речь другого без следов при достаточном качестве записи, но старые кассеты и многократное копирование меняют картину. Слова «может принадлежать» и «принадлежит» различаются сильнее, чем большинство людей допускает. Корнев записал это, чтобы потом не поддаться собственному желанию услышать на плёнке себя.

В оригинальной кассете часть магнитного слоя была повреждена на стыке фраз. На рабочей копии возник шум, напоминающий всхлип. Елена, присутствовавшая при коротком просмотре заключения, сказала, что слышит сестру. Руднев осторожно попросил её не слушать запись повторно до завершения исследования: навязчивое прослушивание могло смешать реальное воспоминание с тем, что человек ожидает услышать.

Андрей вышел на улицу и постоял возле машины. В июне 2004 года Яна записывала угрозы на магнитофон, потому что не верила людям, обещавшим защиту. Теперь её голос стал частью уголовного дела только после двадцати двух лет молчания. Пока запись оставалась записью, Яна продолжала быть не просто жертвой на фотографии, а человеком, который пытался оставить за собой право говорить.

* * *

Они проверили журналы регистрации, архивы дежурной части, служебные выезды. Ничего не указывало на посещение Корневым квартиры. Но в материалах осмотра обнаружились следы растворителя и металлическая коробка для аудиокассет, которая исчезла после изъятия. В её описании стояло «Контур-17, экземпляр № 8».

Под вечер Сумин передал через дочь старую записную книжку. На странице девятого июня была строка «Красное пальто, 02:43» и другой ручкой — «Подтверждать Елагина». Подлог показаний стал фактом, а не подозрением. Однако одна деталь мучила Андрея: если Яна записывала угрозы вечером восьмого, почему в записи человек за дверью говорил о деле, которое ещё не существовало? Неужели будущий убийца заранее подготовил не только преступление, но и последующую версию следствия?

ГЛАВА 7

Три семнадцать

В ночь с десятого на одиннадцатое января Сумин находился под наблюдением сотрудников полиции. Андрей не поехал к нему, хотя больше всего хотел убедиться, что старик переживёт указанное в угрозе время. Вместо этого он сидел напротив Руднева и смотрел на часы, пока следователь обсуждал версию психологического давления.

В комнате, где охраняли Сумина, было слишком тепло. Старик дважды просил приоткрыть форточку, но потом сам просил её закрыть. Один из сотрудников принёс чай. Николай Петрович держал чашку двумя руками.

— Вы бы моей дочери позвонили, — сказал он.

— Она знает, что с вами, — ответил сотрудник.

— Я не про это. Скажите, чтобы коробку из шкафа не выбрасывала. Квитанции там.

— Завтра сами скажете.

Сумин криво улыбнулся.

— Вчера я тоже думал, что завтра будет обычным днём.

Он долго смотрел на дверь. Когда охранник предложил включить телевизор, старик отказался. Ему было нужно слышать лестницу и звуки в прихожей. Так он надеялся отличить настоящую угрозу от той, что уже поселилась у него в голове.

— Преступник может ничего не сделать, — объяснял Павел. — Ему достаточно связать у вас цифры с ожиданием смерти. Вы начнёте принимать любые совпадения за доказательства его силы.

В 03:17 на служебный адрес поступил электронный документ: свидетельство о смерти Николая Сумина, с датой этого дня. Руднев сразу связался с охраной. Сумин отвечал грубо, жаловался на бессонницу и был жив. Свидетельство оказалось подделкой. Его регистрационный номер был скопирован из свидетельства о смерти Яны Березиной, приобщённого к старому делу.

* * *

В три семнадцать, когда поддельное свидетельство о смерти уже пришло, Руднев велел проверить не только отправителя, но и источник бланка. Номер документа оказался скопирован из старого дела, а герб был неправильно выровнен. Ошибка доказывала подделку, но не личность изготовителя. Специалист обнаружил в метаданных изображение, ранее сохранявшееся на сервере частной охранной фирмы. Это была первая техническая связь угроз с окружением Щукина.

Андрей предложил не сообщать эту находку свидетелям. Если преступник действительно следил за реакцией, отсутствие публичного ответа могло лишить его преимущества. Однако Сумин и без того нервничал. Он попросил убрать часы из комнаты. Полицейские объяснили, что могут помочь создать спокойную обстановку, но должны сохранять возможность фиксировать время. Старик согласился и долго смотрел в окно, откуда не было видно ни одной цифры.

К утру Андрей почувствовал жгучую усталость. На четвёртый час без сна ему начало казаться, что все часы в коридоре тикают синхронно, хотя одни были электронными. Он заставил себя выйти на воздух и пройти несколько кварталов. Было важно не превращать собственное истощение в новый аргумент в пользу сверхъестественного. На тротуаре таял снег, пахло выхлопами и хлебом из круглосуточной пекарни. Этот мир продолжал подчиняться вполне понятным законам.

* * *

Позвонила неизвестная женщина и сообщила, что документ «не того Сумина». Звонок быстро оборвался. Андрей обратил внимание на пометку в нижней части изображения: «Первый умер дважды». Возможно, преступник пытался внушить, что свидетельница Кротова уже была мертва в чьих-то документах. А возможно, он всего лишь ошибочно наложил один образец на другой. Важно было другое: у него имелся доступ к копиям старого дела.

Утром Сумин попросил передать ему бумагу для записей. Он хотел описать женщину в красном пальто, пока она снова не исчезла из памяти. Вместо портрета нарисовал зеркальце автомобиля и тёмное пятно на заднем сиденье. В отражении сидели двое. Он посмотрел на рисунок и попросил забрать его. «Я вспомнил ещё одного пассажира, — сказал старик. — Но я его не видел. Я только слышал, как он дышал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.